

РАННЕИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

© 2007 Т.М.Братченко, А.С.Сенявский

Институт российской истории РАН, Москва

В статье рассмотрены малоизученные проблемы ранней российской модернизации – XVIII – начала XX вв. Авторы приходят к выводу, что она проходила в либеральной форме, а её социальными последствиями явилась массовая маргинализация российского общества. В этом, по их мнению, можно видеть одну из причин социальных потрясений, испытанных нашей страной в XX в. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-01-00303а.

Модернизация была императивом развития России на протяжении нескольких столетий, что вызывалось преимущественно не внутренними условиями, а давлением внешних факторов – индустриальным развитием ряда западных держав, чреватого экономическим и военным отставанием страны. Это угрожало ее национальной безопасности и самому суверенному существованию. Вопрос о том, быть или не быть российской модернизации в условиях колониальной экспансии Запада не стоял: отказ от нее означал бы упадок и крах российской государственности, а вместе с ней и российской цивилизации. Модернизация в России в виде или на основе многочисленных, разнообразных по задачам реформ – инициировалась и проводилась сверху, государством, а иначе и быть не могло в силу цивилизационных, исторических особенностей ее развития¹. Основным вектором модернизационного процесса являлась индустриализация (а еще ранее – протоиндустриализация).

Истоки индустриального развития России восходят к XVII веку. Уже тогда сформировались основы всероссийский национального рынка, сложилась специализация отдельных регионов на производстве тех или иных изделий. Так, полотно изготовляли в Новгороде, Пскове, Ярославле, Вологде, Смоленске; кожи – в Нижнем Новгороде, Ярославле, Калуге; изделия из дерева – в Поморье; центрами железодельного производства стали Тула, Кашира, Серпухов, Тих-

вин и т.д. Купечество, обладавшее уже значительными капиталами, выделяется в отдельное сословие.

Источниками накоплений были налоги, откупа, подряды, ростовщичество, то есть внутренние, а не внешние накопления, как в других европейских странах, разбогатевших на ограблении колоний в результате Великих географических открытий. Государство нередко выступало как монополист в деле получения таких доходов. Таким образом, наметилась особенность экономического развития России – усиленный рост государственного хозяйства, наряду с пробивавшими себе с большими трудностями дорогу первыми ростками капитализма. Первые мануфактуры появились в стране в тех районах, которые специализировались на производстве определенных изделий, прежде всего изделий из металла. Так, в 1637 г. голландский купец А.Виниус возле Тулы построил первый металлургический завод, к которому российское правительство приписало рабочую силу – крестьян – и в течение десяти лет предоставляло денежную ссуду этому предпринимателю. В 1644 г. компания гамбургских купцов там же основала завод такого же профиля. Но развитие производства тормозилось крепостничеством, не хватало свободной рабочей силы для предприятий.

Существенную роль в становлении предпринимательства и «протоиндустриализации» сыграла политика центральной власти, особенно в периоды правления Петра I и Екатерины II, включая ряд экономических преобразований. Активная внешняя политика России, борьба за выход и утверждение на берегах Балтийского, Азовского, Каспийско-

¹ См.: Сенявский. А.С. Концепция модернизации и ее исследовательский потенциал в изучении российской истории XX века (теоретико-методологический и инструментальный аспекты) // Actio Nova 2000. – М.: 2000. – С. 213 – 244.; он же. Цивилизационный подход в изучении российской истории: теоретико-методологические аспекты // История России: теоретические проблемы (1-й вып.). – М.: 2002. – С. 59 – 68.

го, Чёрного морей потребовали насаждения, роста и развития мануфактур в самых различных отраслях промышленности при активной роли государства, а также частных предпринимателей, – в металлургической, суконной, кирпичной, кожевенной, стекольной, писчебумажной и др. Оборот капиталов быстрее совершается в лёгкой промышленности, поэтому в конце XVIII века в ней насчитывалось уже более 1000 мануфактур, причем специализированных – полотняных, шляпных, кожевенных, позументных и т.п.² Россия уверенно входила в складывавшуюся к XVIII веку мировую экономическую систему.

Режим наибольшего благоприятствования для предпринимательства, конечно, имели дворяне. Удачливым предпринимателем был князь А.Д.Меньшиков, владевший разнообразными предприятиями и промыслами; князя П.Черкасский и П.Дашков, владевшие железодобывательными заводами; шёлковую компанию создали генерал-адмирал Ф.Г.Апраксин, вице-канцлер П.Шафиров и П.Толстой с капиталом более 65 тыс. рублей³. При Екатерине II по Указу 1765 г. дворяне превратились в монопольных производителей и поставщиков вина и водки; среди них – представители высшей аристократии граф А.Шувалов, генерал-прокурор А.Глебов, графы П.Чернышев, Н.Вяземский, П.Румянцев-Задунайский, поставлявшие продукцию в 32 города России.

С конца XVIII века в стране широко распространяется и крестьянское предпринимательство, складываются целые династии «капиталистских» крестьян – Хлудовых, Солдатенковых, Абрикосовых. Указ Александра I о вольных хлебопашцах, по которому разрешалось помещикам отпускать крестьян на волю за выкуп с землёй, оказал большое влияние на развитие российского предпринимательства, так как он давал возможность расширения рынка свободной рабочей силы и собственного дела. За первую половину XIX века по этому Указу было освобождено 1,5% крестьян. Но это были самые хозяйственные, экономные, предприимчивые, талантливые. Такие крепостные фабриканты брали подряды, вели торговлю, занимались кредитными операциями. Так, в Иванове в 1800 г. они имели объём

явленных капиталов в 441 тыс. рублей – огромные по тем временам деньги⁴. Нередко крестьяне-предприниматели становились конкурентами купцов. В свою очередь, купцы нередко переводили свои капиталы в промышленность, покупая и основывая всё новые фабрики и заводы. При этом, особенно в XIX веке, увеличивается число приобретаемых гильдейские свидетельства, дававшие право заниматься деловыми операциями: в 1840 г. было выдано 37381 свидетельств, в 1858 г. – уже 61858.⁵ И процесс этот набирал силу.

С XVIII века активно развивается акционерное дело в России, сначала – в сфере внешней торговли. Так, в 1755 г. три купца учредили компанию на 200 акциях с капиталом в 100 тыс. рублей, получившую право торговать с Турцией, Венецией и Китаем. Через 3 года ещё два купца выпустили 4000 акций, учредив компанию для торговли с Персией и имея для этого 600 тыс. рублей капитала. В 1760 граф Воронцов в компании с десятью учредителями стал торговать с Хивой и Бухарой⁶. При Екатерине II разрабатываются и Уставы таких компаний, а при Александре I определяются в российском законодательстве и различия между акционерными обществами – т.е. торговым товариществом полным и на вере⁷, торговыми домами и товариществами на паях⁸. Позже Уставы акционерных обществ утверждались соответствующими министрами или Кабинетом министров, что способствовало большей ответственности их учредителей. Среди учредителей также были представители аристократии, крупные чиновники, высокопоставленные военные и люди, близкие ко двору, способствовавшие успешной деятельности таких акционерных обществ.

В середине XIX – начале XX в., вплоть до 1917 г. – Россия развивалась в русле общеевропейского цивилизационного процесса,

⁴ Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. – М.: 1958. – С. 83 – 84.

⁵ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. – М.: 1960. – С. 407 – 408.

⁶ Спасский П.Х. История торговли и промышленности в России. Т. 1. – СПб.: 1910. – С. 67 – 68.

⁷ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. II. – М.: 1910. – С. 62, 71.

⁸ Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л.: 1973. – С. 17 – 22.

² Лапто-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. – СПб.: 1893, - С. 93 – 94.

³ Барышников М.Н. История делового мира России. – М.: 1994. – С. 69 – 70.

в том числе и в экономической сфере, где основным вектором прогресса являлась индустриализация. Этот период интересен богатейшим и во многом поучительным опытом завершения в России промышленного переворота, становления многих отраслей промышленности и модернизации экономики в целом в контексте активной государственной политики и развития российского предпринимательства.

Политика государственного вмешательства и поддержки промышленности, экономики России сложилась исторически. Она включала целую систему правовых, финансовых, организационных и даже моральных мер и стимулов. Так, государство ценило заслуги российских предпринимателей, возводя многих из них в дворянское достоинство. Например, в XIX веке был возведён в дворянское звание известный строитель железных дорог П.И.Губонин, в 1912 г. – владелец, получившей всемирную известность Трёхгорной мануфактуры, Н.И.Прохоров и его потомки. Некоторые получали генеральские чины и иные почётные звания, такие, как П.И.Щукин, А.А.Титов, А.А.Бахрушин⁹. Именно государство выступало двигателем индустриализации и модернизации российской экономики. Оно создавало наиболее благоприятные условия для развития отечественной промышленности путем законодательного регулирования, перераспределения капитала в пользу индустрии как путем прямого финансирования (оборонные предприятия и госзаказы, выкуп железных дорог и др.), так и косвенно – через регулирование финансово-кредитной системы, политику протекционизма и одновременно привлечения иностранного капитала и т.д.

С 30-х годов XIX века в России начался промышленный переворот, особенно усилившийся после отмены крепостного права в стране, тормозившего развитие капитализма вглубь и вширь. Развивающаяся промышленность требовала больше сырья, рабочих рук на рынке рабочей силы, новых капиталов. Отсюда и заинтересованность городов в росте товарности сельского хозяйства. Да и сам процесс первоначального накопления капиталов в немалой степени зависел от этого. Так, росли торговые прибыли, например, за счёт вывоза хлеба за границу.

Промышленный переворот сопровождался быстрым ростом железнодорожного строительства, которое явилось одним из ключевых направлений, сыгравших решающую роль в ранней индустриальной модернизации страны. Развитие сети железных дорог не только способствовало укреплению всесторонних связей ранее разобщенных территорий, вовлечению в хозяйственный оборот новых регионов и формированию единого рынка в России – самой крупной мировой державе с бескрайними просторами, но оно становилось также стимулом быстрого развития целого ряда других, связанных с обеспечением железнодорожного транспорта отраслей (металлургии, машиностроения и др.) Железнодорожное строительство осуществлялось с активным привлечением национального русского капитала и средств государства.

Существенный толчок развитию экономики страны дали буржуазно-либеральные реформы Александра II. Важно подчеркнуть, что российское правительство активно поощряло бурное развитие отечественной промышленности в пореформенной России, предоставляя российским промышленникам льготные кредиты и условия для строительства все новых предприятий, гарантируя им госзаказы, высокие доходы и нередко предоставляя оборотные капиталы. Так, управляющий Государственным банком В.И.Лиманский прямо отмечал, что частная деятельность, пособия от правительства, привлечение иностранного капитала являются, например, единственно возможным решением задачи устройства в России железных дорог¹⁰.

В то же время, находились патриотически настроенные предприниматели, выступавшие против политики «открытых дверей» перед иностранным капиталом, считавшие, что она «подрывает духовные силы народа». Так считал русский купец А.А.Пороховщиков, утверждавший, что она дает возможность безнаказанно практиковать в российской экономике «грабеж на законном основании»¹¹. Аналогичных взглядов придерживался идеолог русского национального ка-

⁹ История России. Ч. II. Расцвет и закат Российской империи (XIX – начало XX вв.). Ред. Дмитренко В.П. – М.: 1994. – С. 133.

¹⁰ Бар. Дельви́г А.И. Есть ли у нас свободные капиталы для постройки железных дорог. – СПб.: 1866. – С. 17.

¹¹ Порохови́чиков А.А. Соль земли. – М.: 1905. – С. 27.

питала, известный предприниматель В.А.Кокорев, написавший книгу «Экономические провалы», где обвинял бюрократию в необдуманном переносе на русскую почву западных экономических моделей и либеральных идей, в отказе исходить из народного опыта. «Пора государственной мысли прекратить поиски экономических основ за пределами России... возвратиться домой и познать в своих людях свою силу, без искреннего родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни»¹². Однако власть в своей экономической политике, в основном, придерживалась иной позиции.

С.Ю.Витте вспоминал в мемуарах (как известно, он начал свою государственную карьеру с должности директора Департамента железнодорожного транспорта): «В те времена царил принцип частного железнодорожного строительства и эксплуатации. Во главе частных обществ стояло несколько лиц, про которых можно сказать, что они представляли собой «железнодорожных королей»¹³. Это и промышленник С.Поляков, и товарищ министра финансов Рейтерна П. фон Дервиз, и инженер К. фон Мекк, и Л.Поляков, и П. Губонин и др., построившие Орлово-Грязскую, Рязанскую, Курско-Харьково-Азовскую, Бендеро-Галацкую дороги»¹⁴.

В 60 – 70 гг. XIX века правительство выдало ряд концессий на устройство новых рельсопрокатных заводов на юге России в связи с активным железнодорожным строительством, в частности С.С.Полякову и другим предпринимателям. Россия в то время проводит активную внешнюю политику (Русско-турецкая война 1877 – 78 гг.), для чего в рекордно короткий срок – за 3 месяца и 12 дней – была построена в военнопольных условиях, Бендеро-Галацкая железнодорожная магистраль стратегического значения российским промышленником С.С. Поляковым. Позднее подъему деловой активности в стране способствовал выкуп государством нескольких частных железных дорог.

Расло и акционерное учредительство в других областях. Так, если в 1861 г. в России насчитывалось 128 акционерно-паевых предприятий, в 1909 г. – 1518, то в 1914 г. – уже 2263 (без

учёта железнодорожных)¹⁵. Правительство всемерно поддерживало частную инициативу, но одновременно старалось не пускать её на самотёк, приняв 5 апреля 1883 г. новый закон об акционерном деле, регламентировавший эту деятельность. В пореформенной России происходил бурный рост этой формы предпринимательства.

Развиваются модернизированные (с учётом тогдашних передовых достижений Запада в машиностроении) отрасли промышленности, например хлопчатобумажная. Так, русский фабрикант К.Т.Солдатенков вместе с бароном Л.Кнопом – поставщиком оборудования из Англии для текстильных фабрик в России – и братьями Хлудовыми основал Кренгольмскую текстильную мануфактуру, которую оснастили по последнему слову техники¹⁶. И очень скоро это предприятие стало высокорентабельным. Передовым оборудованием оснащались предприятия С.Морозова и других русских промышленников, ставших ядром формирующейся национальной буржуазии России. Отечественные предприятия стали экспортировать российскую продукцию в центральную Азию, Китай, на Ближний Восток, Балканы и в другие регионы.

Другой видный промышленник России С.И.Мальцев на основе накоплений в лёгкой промышленности создавал и современное машиностроение, будучи видным организатором промышленности в стране. В Людиново на базе старого чугунного производства Демидовых он построил рельсопрокатный завод, используя передовой опыт германских специалистов в устройстве доменных печей, железопрокатных цехов. Первые в России рельсы стал с 1841 г. выпускать этот завод, как и первые паровые машины, первые винтовые двигатели для русского флота, первые русские пароходы. На заводах С.И.Мальцева была построена и первая газовая печь мартевской системы. Он создал целый промышленный район, настоящую промышленную империю, где производились и собственные стройматериалы, и кирпич, и стекло, и посуда; было налажено и собственное сельскохозяйственное производство. За большие заслу-

¹² Кокорев В.А. Экономические провалы: По воспоминаниям с 1837 г. – СПб.: 1887. – С. 38.

¹³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. – М.: 1960. – С. 116.

¹⁴ Гавлин М. Российские Медичи. – М.: 1996. – С. 281, 290.

¹⁵ Барышников М.Н. Указ. соч., - С. 163, 183 – 184.

¹⁶ Гавлин М. Указ. соч. – М.: 1996. – С. 100.

ги в развитии русской промышленности С.И.Маль-цева избрали в 1875 г. почётным членом Общества содействия русской торговле и промышленности. Общественность отдавала дань заслугам российского предпринимателя перед отечеством. Не случайно, в «Русской мысли» была опубликована серия очерков В.И.Немировича-Данченко о его деловой империи под красноречивым названием «Америка в России».

Нельзя не упомянуть и о своеобразной конкуренции российских предпринимателей в борьбе за качество своей продукции. Государство всемерно поощряло их в этом, даруя привилегию носить высокое звание «поставщика двора Его императорского величества». Некоторым жаловалось дворянство. Носитель титула «поставщик двора» имел в результате рекламу своих товаров, своей фирмы, налоговые льготы, приоритетное право на исполнение заказов государства. Так, известная фирма «Треугольник», снабжавшая всю Россию резиновой обувью, заключила контракт на поставку автомобильных шин для российской армии. Хлеб другого поставщика двора, московского булочника Ивана Филиппова, поставлялся из Москвы прямо в Зимний дворец (в Петербурге, кстати, его выпекать не получалось: «вода невская не годится», – открывал Филиппов секрет, когда его звали в столицу, и уезжал в Москву). И репутацией своей, как и другие поставщики двора, он очень дорожил. Для получения этого высокого звания предприниматель должен был в течение 8 лет производить продукцию самого высокого качества. А оно контролировалось весьма тщательно Министерством торговли и промышленности Российской империи. И поэтому в неписаной иерархии купеческой, – напоминал В.П.Рябушинский, – стоял на вершине уважения именно промышленник, фабрикант, потом шёл купец, торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост¹⁷.

С 60-х годов XIX века наблюдается усиленное развитие финансово-кредитной системы, банковского дела, которые были немаловажным источником средств для модернизации промышленности России и экономики в целом. Так, развитие кредитной кооперации на селе, например на производственные цели, вело к общему сниже-

нию цен не только на селе, но и в городах, что положительно сказывалось на уровне развития экономики в целом¹⁸. У истоков «Общества взаимного кредита» в Петербурге стояли известные российские предприниматели и купцы В.И.Лиманский, Г.В.Елисеев, И.А.Смирнов и др.

Частный капитал в России хлынул в банковскую сферу при Александре II. Уже на рубеже 1860-70-х годов сложилась в стране сеть акционерных кредитных учреждений из 35 коммерческих и 10 ипотечных земельных банков. Последние предоставляли кредиты под землю и недвижимость по 6 – 6,5% годовых (в отличие от нынешних 15 – 25% как в рублях, так и в валюте!). Положение о них было подписано ещё в 1862 г., и их капитал не мог быть ниже 10 тыс. рублей. Создавались и городские банки, специализировавшиеся на выдаче ссуд под городскую недвижимость. Их было создано 317, и число таких банков росло. К началу I мировой войны банковская система России, благодаря бурному экономическому подъёму 1909 – 1913 гг. превратилась в наиболее динамичный сектор экономики. Так, 50 акционерных коммерческих банков с почти 800 отделениями и филиалами в 1914 г. по сумме активов превосходили главный казённый банк страны – Государственный – втрое¹⁹.

Создаётся целый ряд новых банков – Московский купеческий банк – действовал с 1865 г., учредители – Т.Морозов, Н.Суцов, И.Лямин. С 1914 г. складочный капитал банка достиг 15 млн. рублей, а управлял им долгое время учёный-экономист И.К.Бабст. В те времена банки не гнались за быстрыми сверхприбылями, в отличие от сегодняшних, а работали на длительную перспективу. Тот же И.К.Бабст неоднократно высказывал публично свои взгляды на предназначение банков, разделившиеся многими банкирами: «Банки это прежде всего учреждения, содействующие торговле и промышленности; назначение их доставлять самые удобные и самые дешёвые средства промышленности и облегчать торговые и кредитные сделки...»²⁰. Эти взгляды, надо отметить, разделялись

¹⁷ Платонов О.А. 1000 лет русского предпринимательства. – М.: 1995. – С.72.

¹⁸ Чаянов А. Краткий курс кооперации. – Барнаул: 1989. – С 29 – 30.

¹⁹ Аргументы и факты. 1998, № 37. – С. 9.

²⁰ Барышников М.Н. Указ. соч., С. 169 – 170.

многими банкирами.

При участии Государственного банка России создаётся Петербургский частный коммерческий банк со складочным капиталом в 10 млн, а к 1914 г. – в 40 млн руб.; его акционерами состояли и ряд западноевропейских банкирских домов²¹. Это обстоятельство свидетельствовало об устойчивой экономической ситуации в России.

Расширялась также сеть сберегательных касс в стране. Начало этому процессу положил ещё Указ Николая I от 30 октября 1841 г. К середине 1884 г. их число достигло более 600, а к 1914 г. – 1026 с 1286 отделениями по всей России. И даже в годы Первой мировой войны их положение не ухудшилось, а укрепилось – население доверяло проверенным временем финансовым учреждениям, так как с 1860 г. сберегательные кассы перешли под покровительство Госбанка Российской империи²². Только с 1881 по 1894 гг., например, суммы вкладов российских граждан в банках увеличились в 33 раза, а капиталы самих коммерческих банков возросли на 59%; в два раза увеличилось количество вкладных листов, выпущенных ипотечными банками, их курс вырос за этот период на 10%²³.

Огромный вклад в индустриализацию России внесла реформаторская деятельность С.Ю.Витте, направленная на модернизацию российской экономики, промышленности, финансовой системы. У него были противники – консерваторы: С.Ф.Шарапов, А.Г.Щербатов, П.А.Палов, защищавшие бумажно-денежную систему с присущей ей инфляцией, что было выгодно помещикам-экспортёрам зерна, получавшим вывозные премии. Как известно, многие помещичьи хозяйства были отягощены долгами банкам, а расчёты по ним помещикам выгодно было вести в падающей валюте (при этом уменьшалось реальное содержание долговой суммы).

В отличие от консервативной части дворян, рассматривавших рост капиталистической промышленности и капиталистических монополий как конкурентов дворянским привилегиям, С.Ю.Витте проявил себя как сторонник развития крупной промышленности России, её всесторонней модернизации, особенно машиностроения.

²¹ Акционерно-паевые предприятия в России. – М.: 1914. – С. 545.

²² Время сбережений. – М.: 1999. – С. 12 – 13.

²³ Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. – М.: 1997. – С. 31 – 34.

Он отмечал в докладе 1899 г. Николаю II: «Создание своей собственной промышленности это и есть коренная не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольный камень нашей протекционистской системы»²⁴. С.Ю.Витте свои взгляды, в том числе в вопросах развития экономики, изложил в своём труде «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве» (1912 г.). Он всегда выступал как сторонник технического и экономического прогресса, писал о преимуществах свободного труда наёмных работников перед несвободным трудом раба и крепостного крестьянина, об огромной значимости машин для производства, о технических и экономических преимуществах крупного хозяйства перед мелким.

С.Ю.Витте обладал менталитетом человека XX века: его идеи усиления регулирующей роли государства, придания экономике экспортного характера, увеличения ёмкости национального рынка для стимулирования производства и другие опередили во многом свое время и предвосхитили основные принципы Д.М.Кейнса – Ф.Д.Рузвельта.

Обеспечивая благоприятные условия для индустриального развития и подъема деловой активности в стране, этот реформатор, вместе с тем, не боялся заметить представителям крупного бизнеса: «Российское правительство заинтересовано в промышленности и в рабочих, но никак не в ваших, господа, прибылях», – то есть русский капитал, считало правительство, являлся только «служилым элементом в общей стройке страны, а не диктатурой»²⁵.

При С.Ю.Витте была также введена государственная винная монополия, и в результате только за пять лет доходы российского бюджета увеличились в семь с половиной раз: в начале 1900-х гг. поступления от нее составили 11% доходов бюджета России, а в 1913 г. – 22% (при советской власти, обвинявшей «царский режим» в спаивании народа, эти доходы стали достигать до 29 % бюджета)²⁶.

В интересах протекционистской систе-

²⁴ Витте С.Ю. Указ. соч., Т. I. – С. XXII.

²⁵ Цит. по: Солоневич И. А. Народная монархия. – М.: 1991. – С. 62.

²⁶ АиФ, 2006. № 45.

мы С.Ю.Витте провёл финансовую реформу, не носившую, кстати, конфискационного характера, как все советские и постсоветские денежные реформы. Финансовая реформа, подготовленная предыдущими министрами финансов России – Н.Бунге, А.Вышнеградским, успешно и эффективно проведённая С.Ю.Витте в 1897 г. сделала российский золотой рубль конвертируемым. Было достигнуто оздоровление финансовой системы, проведена реорганизация Госбанка. Эта реформа, как и другие, проведённые С.Ю.Витте, отвечала потребностям капиталистического развития страны, которая имела теперь устойчивую денежную единицу, в отличие от обесценивавшихся бумажных денег. Она была в ряду мер, способствовавших росту деловой активности в стране, экономическому подъёму конца XIX – начала XX в. Среди них были также выкуп государством нескольких частных железных дорог, увеличение объёма операций коммерческих банков с частными ценными бумагами, и широко распространившееся ипотечное кредитование (под низкий процент – 6 – 6,5%), а также привлечение иностранного капитала на взаимовыгодных условиях.

В результате преобразований дореволюционная финансовая система была сильной и устойчивой, что доказало ее состояние даже в ходе мировой войны. К 1914 г. в России имелись такие крупнейшие банки (по сумме балансов), как: Русско-Азиатский – 834,9 млн руб., Русский для внешней торговли – 628,4 млн руб., Петербургский международный – 617,5 млн руб., Азовско-Донской – 543,5 млн руб., Русский торгово-промышленный – 496,2 млн руб., Волжско-Камский – 424,7 млн руб., Соединённый – 333,8 млн руб., Сибирский торговый – 279,5 млн руб., Московский купеческий – 279,5 млн руб., Коммерческий банк – 217,4 млн руб.²⁷

Развитие России от аграрного общества к индустриальному резко усилилось в конце XIX – начале XX века. С.Ю.Витте рассматривал это как «непреложный закон» и пророчески предупреждал: «Мы находимся у начала этого движения, которое нельзя остановить без риска погубить Россию». Российское правительство придерживалось политики протекционизма, целенаправленно способствуя развитию отечественной промышленности и торговли. С.Ю.Витте в ту пору не накапливал свободные капиталы в раз-

ных «стабилизационных фондах», а расходовал их на строительство Транссиба, Среднеазиатской и других железных дорог, развитие и модернизацию промышленности, науки, образования, и в результате только за последнее десятилетие XIX века количество предприятий в России увеличилось в 1,4 раза, объем промышленного производства вырос в 2 раза, было учреждено около 150 учебных заведений. Сегодня же только 2% всех золотовалютных резервов хранится в России в золоте, остальные – в долларах (в отличие, например, от Китая²⁸). Отсюда – неустойчивость современного рубля и экономики России в целом.

Реформаторскую политику С.Ю.Витте в начале XX в. продолжил П.А.Столыпин, провозгласивший: «Нам нужна великая Россия!» И хотя акцент им был перенесен на решение аграрных проблем, индустриальное развитие продолжало быть двигателем всего экономического развития. В 1909 г. был собран рекордный урожай зерновых в России, она вышла на первое место в мире по этому показателю, и на экспорт шло 25 – 30% зерна. В 1913 г. заграничный сбыт главных хлебов достиг 647,8 млн пудов (против 548,4 млн пудов в 1912 г.)²⁹.

Промышленный переворот в России завершился в 80-е годы XIX века. К этому времени уже произошло техническое перевооружение основных отраслей промышленности, ручной труд успешно вытеснялся машинным. В конце XIX в. в 3 раза вырос объем продукции машиностроительной промышленности. Ускорение темпов экономического развития России после 1861 г. и последовавших буржуазно-либеральных реформ выразилось и в создании в 80-е годы XIX в. монополий, возникновение которых свидетельствовало о том, что концентрация производства и капиталов в России шла параллельно со сходными процессами в странах Запада. Рост и объединение уже существующих капиталов С.Ю.Витте оценивал как шаги, способствовавшие лучшему их использованию.

Первая монополия «Союз рельсовых

²⁷ Данилов А.А. Указ. соч. – С. 37.

²⁸ АиФ, 2006. № 13.

²⁹ Данилов А.А. История России XX века. Справочные материалы. – М.: 1996. – С. 36.

фабрикантов» была создана в 1882 г., всего через 10 лет после американской «Стандарт Ойл Компании», – монополии, положившей начало этому процессу. Этот Союз объединил 5 заводов и контролировал выпуск 75% всех рельсов в России. Эти монополии стали объединяться в союзы-синдикаты. Позже возникает синдикат «Брянск-Варшава», объединивший ряд металлургических заводов. В 1887 г. был создан синдикат российских сахарозаводчиков. В 90-е года создаются ряд картелей, в том числе углепромышленников, в начале XX века наблюдается их быстрый рост. Возникают крупнейшее в России и Европе «Продамет» – «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» – с основным капиталом в 900 тыс. рублей, созданный в 1902 г. после одобрения и утверждения властями его Устава. В него входило 30 компаний, и к 1914 году он объединял до 90% заводов и более 85% продажи чёрных металлов в России объединял. «Продамет» успешно вытеснил многих конкурентов с российского рынка. Синдикаты контролировали сбыт товаров, распределение заказов, объёмов производства, цены, условия производства и т.д. В годы экономического подъема при поддержке правительства возникли (до I мировой войны) и ряд других синдикатов в тяжелой промышленности при поддержке государства: «Гвоздь», «Трубопродажа», «Продпаровоз», «Продвагон», «Медь», «Продуголь» и т.д. «Продвагон», «Гвоздь», например, держали под своим контролем от 90 до 97% соответствующей продукции, производимой в России, картель «Нобель-Мазут» безраздельно господствовал в нефтяной промышленности, потеснив американских конкурентов – Рокфеллеров с их «Стандарт-Ойл».

Набирал силу процесс сращивания промышленного и финансового капиталов, то есть российские банки финансировали отечественную промышленность, а не вывозили свои капиталы за рубеж, как наблюдается сегодня. При поощрении властей российскими промышленниками и финансистами создавались финансово-промышленные группы. Примером такой успешной деятельности может служить Русско-Азиатский банк, один из крупнейших в России, во главе с председателем правления А.И.Путиловым, имевший складочный капитал в 45 млн рублей, и представлявший настоящую империю из контролируемых им 8 крупнейших заводов, таких, как Невский, Путиловский,

Тульский чугуноплавильный, Новороссийский металлургический и др., и ряда трестов. К 1917 г. А.И.Путилов был членом правления в 40 успешно функционировавших подконтрольных компаниях. Финансово-промышленная группа Петербургского международного банка во главе с С.С.Хрулёвым (складочный капитал составлял 60 млн рублей) контролировала работу машиностроительных заводов в Московской, Нижегородской губерниях, судостроительные предприятия в Н.Новгороде, Николаеве, а также ряд страховых, текстильных, золотодобывающих компаний и даже нефтедобычу³⁰. Третий крупнейший банк России – Азовско-Донской имел тесные связи с угольно-металлургической промышленностью Юга России, с известным нефтяным картелем «Нобель-Мазут» и т.д. Он даже приобрёл контрольный пакет Парижского банка Северных стран.³¹

Большое место в экономике занимали биржи. Первая, как известно, была открыта ещё в 1703 г. Петром I (раньше, чем в Париже, Вене, Берлине). Государство держало работу этих учреждений под контролем. После столицы биржи возникают в Кременчуге в 1834 г., в Рыбинске в 1842г., в Одессе, Н.Новгороде в 1848 г., в Москве в 1889 г. и других городах империи. К концу XIX века насчитывалась 21 биржа, в 1913 г. – 93, а к 1917 г.-115. Были в России и специализированные биржи: хлебные, мясные, яичные, чайные, винные, фруктовые³². Там велись операции с товарами, с ценными бумагами, в том числе и с частными. Их деятельность регламентировалась специальными статьями Торгового устава 1903 г. и правилами 1907 г., а также законом 1893 г., разрешавшим сделки с частными ценными бумагами. Операции на биржах были подконтрольны ревизорам Министерства финансов и специально созданному при Петербургской бирже фондовому отделу (статьи этого закона в 1900 г. распространялись и на другие биржи России).

К началу XX в. экономическая политика, масштабная работа правительства по мо-

³⁰ Барышников М.Н. История делового мира России. – М.: 1994. – С. 186 – 188.

³¹ Там же. – С. 189.

³² Спасский П.Х. Указ. соч. Т. 1. – С. 42, 48. Масонство. – М.: 1997.

дернизации экономики поставила Россию на одно из первых мест в мире по темпам развития промышленности, сельского хозяйства, экономического роста в целом. Возникло немало новых предприятий в сфере промышленности, транспорта, в финансовой сфере (сеть банков), развивалось предпринимательство, создавались акционерные общества. Осуществлялся курс на развитие передовых промышленных отраслей, ускоренный рост перерабатывающей промышленности, внедрение новых технологий. Российская индустрия отличалась высоким уровнем технического оснащения: оборудование на российских заводах и фабриках соответствовало последнему слову техники. Внутреннее производство промышленного оборудования равнялось импорту. Причем, для России был характерен высокий уровень концентрации капитала и рабочей силы в индустриальных предприятиях. Так, на предприятиях с числом рабочих свыше 1000 человек к 1914 г. было занято 44% рабочих, то есть более чем в 2 раза больше, а с учетом наиболее крупных казенных и металлургических заводов в 3 раза больше, чем в промышленности США. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составляли в 1909 – 1913 гг. 9%, в машиностроении – 13%, добыча нефти с 1894 по 1914 гг. увеличилась на 65%, производство чугуна – на 50%, железа и стали – на 224%³³. Быстрый промышленный рост происходил в наиболее эффективных в то время в российских условиях формах. На долю российской крупной промышленности приходилось более 70% из всей промышленности³⁴. В 1913 г. прибыль фабричной промышленности составила 510 млн рублей, мелких предпринимателей – 142 млн руб., торговая прибыль – 788 млн рублей, внешнеторговый оборот – 2,6 млрд рублей.

Политика протекционизма, государственной поддержки российского предпринимательства, государственного вмешательства в экономику в разумных пределах дала очевидные положительные результаты, выведя Россию по уровню и, особенно, по темпам промышленного развития в ряды мировых лидеров. Интересы промышленников, предпринимателей, банкиров России и государства в ключевых вопросах совпадали и, прежде всего, в их стремлении создать «Великую Россию». Сложилась система го-

сударственно-монополистического капитализма, которая доказала свою жизнеспособность. К началу I мировой войны Россия вышла на 5 место в мире по объёму промышленного производства, по годовым темпам роста промышленной продукции на душу населения уступала только США, а по темпам роста производительности труда – даже опережала их³⁵. Российская империя занимала 4 место в мире по производству индустриального оборудования, 6-е место – по производству электромоторов и т.д.³⁶

К 1917 г. в России было 5000 т золотого запаса в слитках; 0,5 млрд золотых рублей граждане хранили в «чулках» накануне войны 1914 г.³⁷ Россия уверенно и по праву вошла в пятерку мировых экономических лидеров. В этом состояла огромная заслуга российских промышленников и предпринимателей, ведь доля иностранного капитала в российской экономике не превышала 36%, а внешний долг – 5 млрд руб.

Неудивительно, что успехи российской экономики в результате проводимых реформ констатировал уже в 1900 г. С.Ю.Витте в Докладной записке Николаю II³⁸. Об этом же говорилось в «Докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса» (Петроград, 1914 г.)³⁹. На Западе, впечатлённом нашими успехами, заговорили о «русском чуде». Французский экономист Эдмон Тери в своей книге «Россия в 1914 году» писал: «... Ни один из европейских народов не достигал подобных результатов... К середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовых отношениях»⁴⁰.

Казалось бы, перед российской экономикой, находившейся на подъёме, перед рос-

³⁵ Кендрик Д. Тенденции производительности в США. – М.: 1967. – С. 278 – 279; Ляценок П.И. История народного хозяйства СССР. – М.: 1956. Т. I. – С. 531.

³⁶ Табачник Г. Последние хозяева Кремля. – М.: 1995. – С. 29.

³⁷ См.: Известия, 1999, 15 мая.

³⁸ Политическая история XX века. Сборник документов и материалов. Вып. 1. – М.: 1991. – С. 63.

³⁹ Данилов А.А. Указ. соч. – С. 33 – 34.

⁴⁰ Цит. по: История. Методические рекомендации. – М.: Изд. МГОУ, 1994. – С. 20.

³³ Иванов В.Ф. Указ. соч. – С. 37 – 38

³⁴ Указ. соч. – С. 34 – 35.

сийскими деловыми кругами открывались блестящие перспективы. Однако оптимистичные прогнозы не оправдались. И вряд ли стоит присоединяться к однозначно восторженным оценкам экономических успехов Российской империи, ведь в начале XX века, за исторически кратчайший срок Россия дважды – в 1905 – 1907 и в 1917 гг. – была потрясена революциями, каждая последующая из которых оказывалась все более радикальной. И дело не только во внешних факторах (Русско-японской и I мировой войнах). Несомненно, в разрушении «старого мира» решающую роль сыграли внутренние факторы, включая те, которые были напрямую связаны с ранне-индустриальной модернизацией страны.

Начнем с того, что успехи экономического развития и российской модернизации сегодня нередко сильно преувеличивают. А ведь в 1912 г. национальный доход на душу населения в России составлял 110 руб. золотом, в Германии – 300 руб., в Англии – 500, в США – 720, то есть от своего будущего противника в войне Россия отставала почти втрое, а от заморского союзника – почти всемерно⁴¹. Доля России в мировом промышленном производстве в 1913 г. достигала всего лишь 5,3%⁴². Весьма относительно были успехи в социальной модернизации общества, сопутствующей индустриализации. Главными показателями здесь является структура занятости населения в различных отраслях экономики и структура расселения. Но страна продолжала оставаться в подавляющей части сельской, аграрной, крестьянской. Горожан было в конце XIX в. 15%, а в 1917 г. – лишь 18%, причем более половины горожан по факту проживания можно было отнести к этой категории весьма условно: и 2/3 поселений, относимых по административному статусу к городам по реальной экономической структуре являлись скорее полусельскими поселениями, и даже в больших и средних индустриальных центрах, которых на всю страну набиралось не более одного-двух десятков, значительную часть составляли недавние крестьяне – выходцы из деревни, сохранявшие с ней социально-экономические и другие связи⁴³.

Вместе с тем, раннеиндустриальная модернизация в либеральной форме вызвала массовую маргинализацию общества, поставила его в

крайне неустойчивое, «переходное» состояние, что само по себе чревато социальными потрясениями. Социальная маргинализация проявлялась, с одной стороны, в том, что город – «социальный авангард» модернизации – оказался наводнен, как сказали бы сегодня, сельскими мигрантами, – огромной массой людей, неадаптированных к условиям, нормам, ценностям, моделям урбанизированной жизни. С другой, в течение по крайней мере полувека происходило «размывание» традиционалистской, патриархальной, общинной деревни, – как основ ее жизни, так и менталитета крестьянства, дезориентация в нормах и ценностях. Первый массовый удар по ней был нанесен отменой крепостного права с крайне неблагоприятными для ее экономического развития и вписывания в нарождающиеся буржуазные условия «правилами игры», установленными государством (временно-обязанное состояние по отношению к помещику, выкупные платежи и т.д.). На фоне быстрого роста населения при незначительном росте земельного фонда крестьянские земельные наделы при переделах в общинах постоянно сокращались. Не случайно, идея «черного передела» была столь популярна в крестьянской массе – от эпохи «народовольцев» до эсеров и «трудовиков» в Государственных думах: «земельный голод» был объективным явлением. Не имея достаточных финансовых, материальных, технологических, квалификационных и др. ресурсов для эффективного включения в рыночные отношения, для интенсивного ведения хозяйства, прежде всего на основе совершенствования агрикультуры, к началу XX в. значительная часть российской деревни деградировала, обнищала, большинство крестьянских хозяйств оказалось малоземельными и маломощными. Власть имела целью сохранить монархию, сословную структуру, помещичье землевладение, дворянство как свою социальную опору, и для этого (а также в фискальных целях) сначала стремилась сохранить общину (2-я половина XIX в.), а затем – с теми же целями – форсированно ее разрушить согласно стратегии столыпинских реформ, что стало вторым за полвека мощным ударом по российскому сельскому традиционализму. Ставка на «крепкого мужика» была все той же линией на разрешение аграрного вопроса за счет

⁴¹ Солоневич И.А. Народная монархия. – М.: 1991. – С. 68.

⁴² Данилов А.А. Указ. соч. – С. 34 – 35.

⁴³ См.: Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. – М.: Наука, 2003.

крестьянской массы, которую вогнали в малоземелье, нищету, отсталость предшествующей полувекковой политикой, а затем стали искать «трезвых и работающих». Но выходявших из общины российская деревня воспринимала как «отщепенцев», ухудшавших положение основной, общинной массы крестьян. Масштаб социального раскола деревни увеличился: ненависть к помещикам дополнилась ненавистью к разваливавшему общину крестьянам и распространилась на государство, проводившее такую политику⁴⁴.

Столыпинские реформы, в основе которых была попытка насильственного насаждения частной собственности в деревне и разрушения общины в преимущественно аграрной тогда стране – для чего требовалось длительное историческое время – лишь предельно обострила социальную напряженность, приведя, в конечном счете, к социальному взрыву. Крестьяне оказали мощное сопротивление государственной политике по развалу общины, механическому насаждению чуждого западного, фермерско-хуторского опыта в России, и реформа не только не дала прогнозируемого социально-экономического результата (за 1906-1909 гг. – наиболее активный период реформы – из общины вышло лишь 9,4% крестьянских дворов губерний, вовлеченных в реформу)⁴⁵, но, главное, настолько обозлила крестьянство, настроила его против власти, что стала одной из глубинных причин революции 1917 года, которая, по сути, – крестьянская революция.

Оценивать реформы следует по их результатам и по тому, соответствуют ли они целям, которые преследовались проведением преобразований. За реформами С.Ю.Витте последовали социальные потрясения – революция 1905 – 1907 гг. Декларированной целью столыпинских реформ было создание «великой России», процветающей и социально-стабильной, но за ними последовали революционные потрясения 1917 г., крах империи и единого российского государства. И никакие частные, хотя бы и масштабные экономические успехи реформ, – которые являются лишь тактическими мерами – не могут дать

основания для позитивной оценки реформ и экономического курса как целого, если они привели к стратегическому провалу – социальному взрыву, краху социально-политической и экономической модели и самого государства⁴⁶.

Возникает вопрос, который историки считают не вполне корректным: «что было бы, если бы», а именно – могла ли в принципе либеральная модель модернизации в России быть успешной, или она была обречена на стратегический провал, то есть неизбежно вела к революции и государственному краху. Гипотетически можно ответить положительно. Могла при выполнении целого ряда условий: если бы она начала внедряться много ранее, и затронула русскую деревню хотя бы с середины XIX века, когда не существовало еще столь острого «земельного голода»; если бы государство озаботилось целой системой «социальных амортизаторов», в том числе Великая реформа не поставила бы крестьянство во временно-обязанные отношения с помещиком и жесткую зависимость от государства, приведя к малоземелью и аграрному перенаселению; если бы государство выработало систему практических мер по внедрению передовой агрикультуры в крестьянских хозяйствах и поддержало финансово эти процессы и т.д., и т.п. Хотя и при этих условиях «переходный» характер российского общества создавал бы для власти немало проблем, формирование на селе ее массовой социальной базы из крепких хозяев дало бы шанс избежать социальной катастрофы. В XX веке все это делать было уже поздно. Запоздывание с рядом назревших во второй половине XIX в. реформ, а затем и выбор – в ситуации нового «исторического цейтнота» после проигранной Русско-японской войны и в контексте революционного брожения – неадекватных условиям страны механизмов и средств модернизации, привели Российскую империю к краху. Таким образом, буржуазно-либеральная модель раннеиндустриальной модернизации России – как эволюционный путь развития – провалилась, оказалась неудачной, но, вместе с тем, удачной в ином

⁴⁴ См.: *Сенявский А.С.* Социальная динамика России в XX веке в контексте модернизации // Этот противоречивый XX век. (К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А.Полякова). – М.: 2001. – С. 281 – 298.

⁴⁵ Судьбы реформ и реформаторов в России. – М.: 1999. – С. 157.

⁴⁶ См.: *Сенявский А.С.* Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности // Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 1. – М.: 2002. – С. 55 – 69.

смысле: она создала социальный материал, обусловила экономические и политические процессы, которые predeterminedили революционную альтернативу в обеспечении дальнейшей модер-

низации страны – уже в рамках принципиально иной модели общественного развития.

EARLY INDUSTRIAL MODERNIZATION OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

© 2007 T.M. Bratchenko, A.S. Senyavsky

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Some insufficiently studied problems of the early Russian modernization (XVIII – early XX cent.) are studied in the paper. Authors conclude that it took the liberal form, and its social consequence was the mass marginalization of the Russian society. Here some reasons of the social shocks experienced by our country in the XX century can be found. The paper is prepared with financial support of the Russian Humanities Fund, Project № 07-01-00303a.